

“МАТЕРИКОВСКИЕ” И САХАЛИНСКИЕ КОРЕЙЦЫ: РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА

Ключевые слова: *коре сарам*, “материковские”, сахалинские, корейцы, миграция, репатриация, идентичность, этнокультурные процессы

Статья представляет собой дебютное компаративное исследование сходств и различий между двумя субэтническими диаспорами корейцев, населяющих континентальную часть России и стран Центральной Азии и о-в Сахалин. На основе широкого историографического материала анализируются причины и предпосылки формирования асимметрии в показателях демографических, этнических, социально-культурных процессов у так наз. материковских (континентальных) и сахалинских корейцев. Изучаются узловые вопросы смены национальной идентичности, лояльности к исторической и актуальной родине, обретения нового гражданства в бывшем СССР и современных странах СНГ. “Материковские” и сахалинские корейцы, объединенные этногенетическим происхождением, имели на начальном этапе параллельной жизни в советской действительности больше социально-культурных различий, чем сходств. В настоящее время их менталитет сблизился, тем не менее бытовавшее с советской эпохи деление на “своих” и “чужих” сохранилось. В статье резюмируется, что дихотомия “мы” и “они” составляет экзистенциальную сущность в субдиаспорной идентичности.

Корейцы, проживавшие в Советском Союзе, делились на три неравные по численности группы: *коре сарам*¹ (континентальные корейцы), сахалинские корейцы и северокорейские невозвращенцы. Количество граждан КНДР, пожелавших остаться в Советском Союзе и оказавшихся позже в странах СНГ, мизерно, предположительно речь идет о нескольких десятках людей. Они исключены из поля исследования, но не только из-за того, что их мало, но также из-за того, что значительно отличаются от других групп — менталитетом, идентичностью и приверженностью к традиционной корейской культуре. В статье проводится сравнительный анализ двух субэтнических корейских диаспор СНГ, проживающих в континентальной части постсоветского пространства и на о-ве Сахалин.

Несмотря на то что в 1930–1990-е годы появилось немало книг, диссертаций и статей по истории советских корейцев², о сахалинском сообществе писали совсем немного. С началом горбачевской “перестройки, гласности и демократизации” прежние запреты были сняты, открылся доступ к архивным документам и появилась возможность изучения истории корейцев, оставшихся на Южном Сахалине после капитуляции Японии во Второй мировой войне. Первыми публикациями об этих людях стали статьи, брошюра и итоговая книга Бок Зи Коу (*Бок* 1989а, 1989б, 1993). Благодаря трудам А.Т. Кузина (*Кузин* 1993, 2006, 2009), Пак Сын Ы, Ю.И. Дин и других российских

Герман Николаевич Ким | <http://orcid.org/0000-0003-4742-1040> | gerkim@mail.ru | профессор, д. и. н., директор Института азиатских исследований | Казахский национальный университет им. аль-Фараби (пр-т аль-Фараби 71, Алматы, 050040, Казахстан)

(Высоков 1999; Костанов, Подлубная 1994; Цупенкова 1997), южнокорейских (Bang 2012, Kim 2006, 2009; No 1992, 2004 и др.) и японских (Hayashi 1991; Ishikida 2005; Miki 2010; Nagasawa 2006 и др.) исследователей получили освещение уникальная историческая судьба сахалинских корейцев и весь комплекс проблем, с которыми им пришлось столкнуться.

История *коре сарам* (именуемых ныне *корейцами*) насчитывает более полутора веков, а советское прошлое и современность сахалинских корейцев в Российской Федерации по протяженности в два раза короче. Однако обе группы прошли через одни и те же этапы формирования новой общности — советского народа. Первоначально между ними было больше различий, чем сходств. Разумеется, более чем за четыре десятилетия (1945–1990) разница во многом стерлась, и к моменту развала советской державы две диаспоры сравнялись по основным социокультурным параметрам. Надо признать, что в научном и массмедийном дискурсах и обыденном сознании, как и прежде, остается деление на “материковских” и островных, сахалинских, корейцев. При этом нет четкого понимания, почему и как возникли сходства между ними, где сохранились различия и в чем они проявляются в настоящей жизни. Вопросов чрезвычайно много, и они долго оставались без ответа, вот почему возникла идея сравнительного анализа этих двух субэтнических групп корейцев бывшего Советского Союза.

Введение. В академической литературе, СМИ и обиходной речи бытует множество слов — этнонимов (названий и самоназваний) корейцев, проживавших в СССР, что порождает путаницу и ошибочную подмену одного наименования другим. Зачастую для всей совокупности корейцев Советского Союза, в т.ч. сахалинцев, употребляется собирательный этноним “советские корейцы”. Список использовавшихся в разные исторические периоды названий отдельных групп, отличавшихся по происхождению, месту проживания, гражданскому статусу, языковому признаку, вероисповеданию, довольно внушителен: *русскаяязычные корейцы, российские корейцы, корейцы Центральной Азии, материковские корейцы, сахалинские корейцы, коре сарам, корейцы, корейская диаспора, корейцы Казахстана, узбекистанские корейцы, кавказские корейцы, православные корейцы, депортированные корейцы, корейские переселенцы* и т.д. В связи с кардинальными изменениями, происшедшими после развала Советского Союза, появившимися реалиями современной жизни, включая контакты корейцев СНГ с этнической родиной (Республика Корея) и взаимоотношения между постсоветскими субдиаспорными группами, модифицировались приоритетность, частотность и палитра используемых этнонимов. К имевшимся ранее добавились региональные, пейоративные, квази- и псевдоэтнонимы. Начавшаяся субституция самого частотного названия и самоназвания *коре сарам* новым этнонимом *корейцы* не стала еще предметом научного исследования.

В этой связи в статье предпринимается попытка раскрыть исторические предпосылки появления квазиэтнонимов — *материковские* и *сахалинские* корейцы — и провести компаративный анализ политико-правовых и социокультурных процессов в двух субэтнических группах от советских эпохи до наших дней. По логике под материковыми корейцами следует понимать не только корейцев в бывших советских республиках, но также в Китае, США и Европе, однако в нашем случае под “материковскими” подразумеваются только этнические корейцы в континентальной части СНГ.

Априори считается, что основная причина различий между двумя субэтническими диаспорами заключается в разных исторических эпохах и политико-правовых условиях вхождения в пределы Российской империи и Советского Союза. Такая асинхронность обусловила расхождения в их социокультурных характеристиках и идентичности.

Вопрос об идентичности “кто мы?” часто тесно связан с вопросом “где мы?”, поэтому формирование самосознания, в т.ч. этнического, рассматривается нами во взаимосвязи в пространственно-временном континууме. Мы опираемся на теорию “place identity” (дословно “идентичность места”), предложенную в 80-х годах прошлого века

психологами Г.М. Прохански, А.К. Фабианом, К.М. Корпела (*Prochansky et al.* 1983; *Korpela* 1989) и др. и получившую развитие в работе К.Л. Твиггер-Росс и Д.Л. Уззеля (*Twigger-Ross, Uzzel* 1996). Концепция идентичности места применяется в некоторых исследованиях, в которых анализируется автономно или компаративно парадигма “континентальности” (continentality) или “островности” (insularity). Однако при сравнительном анализе “материковских” и сахалинских корейцев это построение не представляется целесообразным и продуктивным.

Как правило, анализ сложного объекта предполагает его сегментирование, поэтому сравнительное исследование двух групп этнических корейцев осуществлено по следующим аспектам: историко-демографический, правовой, экономический, этнокультурный, этноязыковой, институциональный и междоуниверситетский.

Периодизация истории переселения. Прежде всего, необходимо отметить асинхронность в истории переселения корейцев в Приморье и на Южный Сахалин. Обезземеленные корейские крестьяне начали переходить на русский Дальний Восток в первой половине 1860-х годов. Не углубляясь в уже известные детали переселенческого движения народа, отметим, что оно продолжалось вплоть до конца 1920-х годов, когда утвердившаяся советская власть сумела укрепить свои границы и положить конец перемещению иноземцев в свои пределы.

Сахалинские корейцы оказались на острове добровольно, затем их стали принудительно мобилизовать на шахты и заводы. С начала 1930-х годов до 1945 г. японские колониальные власти перевезли десятки тысяч корейцев на Карафуто — южную часть о-ва Сахалин. Туда же стали переезжать семьи, оставшиеся в Корее без кормильца.

В рамках сотрудничества между СССР и КНДР в 1946–1949 гг. на Сахалин было мобилизовано около 26 тыс. северокорейцев — в основном для работы в рыбной отрасли. Из них приблизительно 14,5 тыс. человек вернулись на родину, оставшиеся стали частью населения Сахалинской обл. В этот же период времени на остров прибыло 450 тыс. переселенцев с материка. Среди них было около 2000 корейцев из Казахстана и Средней Азии (*Шеглов* 2000; *Ким* 2006). На этом численно значимые миграции корейцев на Сахалин прекратились.

География расселения. Корейцы, приехавшие на материковую часть Дальнего Востока, первоначально обосновались в Приморье, регионе общей площадью порядка 165 тыс. кв. км. Затем ареал расселения добровольно и принудительно расширился до Хабаровского края, Приамурья, Забайкалья и Северного Сахалина и достиг свыше 6 млн кв. км. Депортация 1937 г. рассеяла корейцев по Казахстану и Средней Азии, чья совокупная площадь составляет более 3 млн кв. км. Отправка в послевоенный период свыше 2,5 тыс. корейцев (с членами семей) из Казахстана и Узбекистана в специальные командировки в Северную Корею и на Южный Сахалин хоть и временно, но расширила географию проживания “материковских” корейцев, и она вышла за пределы государственных границ СССР. Ускоренная урбанизация, специфическая отходническая полулегальная предпринимательская деятельность, известная под названием *кобонди*³, обязательная военная служба в Советской Армии, обучение в университетах и институтах — все это увеличило ареал присутствия данного народа на одной шестой части суши планеты Земля.

Вплоть до 1970-х годов корейцы Сахалина не могли покидать места своей приписки и проживали только на территории площадью 36 тыс. кв. км (общая площадь Сахалина — 76 тыс. кв. км). Почти ни у кого из них не было советского паспорта. Жизнь этих людей напоминала крепостное право. Лишь с приобретением гражданства молодые сахалинские корейцы смогли уезжать на учебу в вузах, службу в армии и на работу в другие регионы СССР.

Ограничение возможности передвижения, островной образ жизни и изоляция от основной массы советских корейцев сказались на сохранении специфики социокультурного облика и правового статуса сахалинской диаспоры.

Численность. Количество “материковских” корейцев постоянно росло в течение 150-летней истории, о чем свидетельствуют архивные документы и материалы переписей населения: 1895 г. — 18 400 человек; 1905 г. — 28 500; 1923 г. — 103 482; 1929 — 150 795; 1939 — 182 339; 1959 г. — 313 735; 1970 г. — 357 507; 1979 г. — 388 926, 1989 г. — 438 650⁴.

Следует отметить, что с 1893 по 1937 г. в северной (русской, а затем советской) части Сахалина образовалась группа корейцев, депортированная, как и *коре сарам*, в Казахстан и Узбекистан. Начиная с 1959 г. Всесоюзные переписи включали в число корейцев и тех, кто проживал на Сахалине, но получил паспорт СССР. Указанная миграция сахалинских корейцев привела к снижению их количества на острове, а их включение в число советских граждан увеличило корейское население страны.

Говоря о численности сахалинцев, нужно различать тех, кто проживал и проживает в настоящее время на острове, и тех, кто отсюда происходит, — сахалинских корейцев второго и третьего поколений, переселившихся на материковую часть стран СНГ, а также представителей первого поколения, репатриировавшихся в Южную Корею. Количество корейцев в Сахалинской обл. достигло пика в 1951 г., составив почти 43 тыс. человек. Позже оно постоянно уменьшалось. Не вдаваясь в детали, отметим, что с момента присоединения южной части острова к территории СССР до настоящего времени численность сократилась больше чем наполовину (до 26,4 тыс. человек в 2019 г.). Количество сахалинских корейцев по происхождению, но проживающих за пределами острова, с трудом поддается подсчету.

Миграционные процессы. Корейцы, переселившиеся на материковую часть России, оказались вовлеченными в разные виды, формы и способы миграционной подвижности, любая из которых могла бы стать темой самостоятельного и специального исследования. Самыми существенными аспектами в перемещениях этого народа явились расширение ареала проживания и смена сельской среды на городскую.

За последние несколько лет численность “материковских” корейцев в Южной Корее взлетела до отметки 85 тыс. человек. Этот факт объясняется причинами экономического характера. С одной стороны, в большинстве стран СНГ наблюдаются затяжная рецессия в экономике, резкое падение уровня доходов, ухудшение качества жизни и рост безработицы. С другой, Южная Корея притягивает спросом на людские ресурсы, возможностью получать достойные деньги и предоставляет русскоязычным корейцам визу “зарубежных соотечественников” F4 и трудовую визу H2 (Kim 2017). Выезд на заработки продолжается, а число вернувшихся совершенно незначительно — по видимости, временная трудовая миграция перерастает в так называемое ПМЖ (постоянное место жительства).

Отличительной особенностью перемещений сахалинских корейцев стала их репатриация в Японию, Южную Корею и частично в КНДР. В советские времена имелись случаи насильственного выдворения гражданских активистов из числа сахалинских корейцев, требовавших выезда в Японию или Республику Корея. Их высылали в Северную Корею, что являлась своего рода наказанием для этих борцов за свои права. С середины 1990-х годов в результате договоренностей между Москвой, Сеулом и Токио началась репатриация первого поколения сахалинских корейцев в Южную Корею. Всего переехало свыше 4 тыс. человек пожилого возраста, из которых к настоящему времени более 1 тыс. умерло на земле своих предков. Репатриация сахалинских корейцев почти иссякла, т.к. в СНГ остались практически только те, кто не способен переехать по состоянию здоровья. Как бы ни было прискорбно, но через каких-то 20–25 лет в Южной Корее прекратится физическое присутствие сахалинских репатриантов.

Межэтнические браки как демографический фактор. Начиная с 1960-х годов важным фактором этнодемографических процессов среди “материковских” корейцев стали браки с представителями других национальностей. Их доля росла с каждым десятилетием и в конце 1980-х годов, например, в г. Алма-Ате составляла около 40%

(Ем 1998). В столицах союзных республик, где проживали численно большие группы *корее сарам*, удельный вес межэтнических браков был значительно выше, чем в деревнях или других городах (Козьмина 2014). В урбанизированной среде 1980–1990-х годов в них вступало приблизительно равное количество корейских мужчин и женщин. А в сельской местности браки оставались преимущественно внутриэтническими и случаи замужества женщин-кореенок за представителями иных народов были нечастыми. Дети в национально-смешанных семьях за редким исключением идентифицировали себя по происхождению отца.

Как известно, в досоветский период сахалинские корейцы иногда женились на японках, что дало им основание для послевоенной репатриации как членам семьи. При этом среди островных корейцев, в отличие от “материковских”, были распространены преимущественно внутригрупповые браки. Лишь в конце 1970-х годов появляются национально-смешанные семьи и учащаются случаи заключения союзов между сахалинскими и континентальными корейцами. В настоящее время браки молодых корейцев острова с представителями иных национальностей стали обыденностью.

Правовой статус. Наличие паспорта гражданина СССР являлось в 1945–1980-х годах одним из главных критериев различия между “материковскими” и сахалинскими корейцами. К окончанию Великой Отечественной войны практически все взрослые *корее сарам*, депортированные в Казахстан и Среднюю Азию, имели советское гражданство. Они в значительной степени прошли советизацию еще до 1937 г., а за годы войны доказали своим самоотверженным трудом преданность власти, и с них был снят ярлык “неблагонадежного народа” (Kho 1987). Отличное владение русским языком, высокий уровень образования, крепкие навыки организационной и руководящей работы, а самое главное — “преданность коммунистическим идеалам” стали основанием для командирования численно крупной группы “материковских” корейцев для “советизации” сахалинцев (Бугай 2007). Специально присланные *корее сарам* заняли на острове руководящие должности в производстве, образовании, культуре, силовых органах и во всех других сферах. Статус прибывших советских корейцев был намного выше, чем у сахалинцев, оказавшихся под их началом. К этому времени относится появление слова *кхынтанбеги*, так жители острова презрительно называли “материковских” соотечественников. Среди сахалинских корейцев вплоть до конца 1970-х годов довольно крупной оставалась доля лиц “без гражданства”, которых в просторечии именовали *бэгэ*.

В 1985 г. из 31 664 сахалинских корейцев 20 522 человека имели советское гражданство, 1259 являлись гражданами КНДР, а 9883 были лицами без гражданства. В 2018 г. численность представителей этой диаспоры на острове составляла 26,4 тыс. человек, и доля людей без паспорта РФ среди них почти сводилась к нулю (Пак 2019).

Трудовая деятельность. Корейские переселенцы на русский Дальний Восток продолжили свое привычное крестьянское занятие, приспособившись к местным природно-климатическим условиям. По необходимости и при возможности они брались также за иные виды трудовой деятельности (Насекин 1904). После депортации корейцы продолжили работать в сельском хозяйстве, но уже в новых условиях колхозного производства. В Казахстане и Средней Азии советские корейцы рекомендовали себя отменными земледельцами, получавшими рекордные урожаи зерновых, прежде всего риса, овощных, бахчевых и технических культур, таких как хлопок, сахарная свекла, кукуруза и кенаф (Ким 1965, 1993; Кан 1995; Хан, Сим 2014). В связи с интенсивной сельско-городской миграцией в 1960-х годах доля аграрников среди них стала резко сокращаться. К 1970–1980-м годам “материковские” корейцы, проживавшие в городской среде, трудились в разных сферах производства, оказания услуг, в образовании, науке, культуре и т.д. В последние десятилетия советской эпохи удельный вес корейцев, занятых физическим трудом, сокращался, а число работников умственного труда увеличивалось. Однако следует упомянуть, что немало *корее сарам*, живших в городах, имевших высшее образование и работавших по профессии,

практиковало в 1960–1990-х годах вышеупомянутое *кобонди* (Kim 2008). К закату Советского Союза они превратились в образцовую “национальную группу”, достигшую высоких показателей и результатов во всех сферах общественной деятельности.

Несмотря на плановое коллективное производство, общие условия труда, возможность выбора профессии, корейцы зачастую выбирали определенные виды деятельности, и это, вероятно, объясняется их этническим наследием. Например, в многонациональных колхозах и совхозах они занимались в основном полеводством, но не животноводством. Среди них было много бухгалтеров и плановиков, но не кадровиков. Среди женщин-кореенок заметную долю составляли портнихи, а повар в общепите был довольно редкой для них профессией. Немало мужчин-корейцев трудилось в органах МВД всех уровней, от республиканских до районных, и гораздо меньше — в военных ведомствах. В милиции они отличались в УГРО (Уголовном розыске) или ОБХСС (Отделе борьбы против хищения социалистической собственности), но редко работали в ГАИ (Государственная автоинспекция). На заре разгосударствления экономики и торговли в горбачевскую перестройку и позже, в условиях зарождающегося “дикого рынка” этнические диаспоры постсоветского пространства стали занимать в малом бизнесе и предпринимательстве избранные ниши (Waldinger 1994).

Массовое переселение корейцев в японскую префектуру Карафуто⁵ было напрямую связано с работой на шахтах, а также на фабриках и заводах военно-промышленного комплекса. То есть сахалинские корейцы в отличие от “материковских” соплеменников трудились изначально в фабрично-заводском, горнодобывающем и строительном секторах экономики. Но они были в своей основной массе, как и первые переселенцы в русское Приморье, выходцами из малограмотного обезземленного крестьянства. Поэтому, когда наступили тяжелые и голодные послевоенные годы, сахалинские корейцы занялись огородничеством. Для решения продовольственного кризиса на острове советские власти разрешили им торговать на рынках выращенными овощами (Дин 2015: 113).

Таким образом, как для континентальных, так и для сахалинских корейцев занятие традиционной крестьянской деятельностью составило основу для материального благополучия, формирования положительного имиджа трудолюбивых людей, дало опыт и навыки предпринимательства, облегчившие им вхождение в рыночную экономику постсоветского периода.

Этнокультурные процессы. Отметим сразу, что изначально у “материковских” (Джарылгасинова 1980) и сахалинских корейцев в силу происхождения из разных географических регионов этнической родины имелись различия в бытовой культуре. На корейцев Южного Сахалина существенное влияние оказали такие факторы, как ассимиляторская политика японских колониальных властей, длительное пребывание в потерявшей независимость Корее и на острове, природно-климатическая среда, абсолютное доминирование окружающего русского населения, пространственная близость с Корейским п-вом и дружеские отношения между СССР и КНДР. Безусловно, изолированный и компактный ареал проживания предопределил интенсивность внутриэтнических контактов.

Континентальные корейцы в большей степени, нежели их соплеменники на Сахалине, утратили атрибуты традиционной материальной культуры. В обычаях советских корейцев в Казахстане и Средней Азии под влиянием внешней среды, полиэтнического, мультикультурного окружения появились инновации, не характерные для корейцев острова. Мировая и Русская культура, образ жизни, традиции титульных наций советской Центральной Азии оказали значительное воздействие на их профессиональную и народную культуру.

В то же время отмечаются сходства. Если говорить о материальной культуре, то оно заключается в устойчивой приверженности традиционной пище. В духовной культуре речь идет о строгом соблюдении похоронно-поминальной обрядности

(Джанг 2006). Однако и в питании, и в ритуале похорон все же есть существенные различия. Скажем, в рационе “материковских” корейцев потребление морепродуктов сократилось до минимума, в то время как на столах сахалинцев дары моря занимают существенное место. Другой пример, но уже из антропоники: островные корейцы старшего поколения зачастую имели традиционное корейское и параллельное японское имя. Многих детей, рожденных в начальный период проживания этого народа на Южном Сахалине, также нарекали корейскими именами, однако позже многие из них взяли себе “придуманные” русские (европейские). Что касается “материковских” корейцев, то уже в 1940-е годы у них начался ускоренный переход на трехставную русскую антропонилическую модель, сокращенно именуемую ФИО, т.е. фамилия, имя, отчество (Джарылгасинова 1970).

Есть и различия в корейской семейной обрядности, например, в то время как островная субэтническая диаспора отмечала *бэк-иль* — сто дней со дня рождения ребенка, “материковские” корейцы празднуют только его годовщину — *доль* (а *санджи*) (Ли 2001). В Казахстане и Узбекистане представители этого народа обязательно справляют *хвегаб* (*хангаби*) — 60-летний юбилей, но почти утратили *кохи* — торжество по случаю 70-летия человека, которое широко практиковалось среди сахалинских корейцев. Можно привести еще множество других примеров сходств и различий в традиционной культуре двух сообществ, однако ограниченный объем статьи не позволяет провести детальное сравнительное исследование.

Этнологические характеристики. “Материковские” корейцы с начала переселения в Россию в последней трети XIX в. и до настоящего времени являются носителями диалекта под названием *корё мар*. Это язык самых старших возрастных групп, существовавший в устной разговорной форме и использовавшийся лишь в семейно-бытовой сфере. Далекие предки переселенцев на русский Дальний Восток и, следовательно, тех, кто проживает сегодня в Центральной Азии и материковой части России или мигрировал в последнее десятилетие в Южную Корею, происходили в большинстве случаев из провинции Северный Хамген. Один из субдиалектов этого региона — *югип* (шесть уездов) — составляет основу *корё мар* (King 1987; Пак 2005). Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков Сеула и Пхеньяна, поглощение *корё мар* диалектизмов южных провинций, консервация архаики и, наконец, влияние русского языка привели к образованию этого лингвистического феномена. Сегодня на данном диалекте уже не говорят, социолингвисты констатируют завершение языковой ассимиляции “материковских” корейцев, полностью перешедших на русский язык.

Корейцы, оказавшиеся на Южном Сахалине, происходили в основной массе из южных провинций своей этнической родины. Жизнь в японской префектуре Карафуто и жесткая политика японизации стали причиной того, что они практически перестали использовать свой язык во многих сферах: административной, культурно-образовательной, производственной и т.д. Первое поколение сахалинских корейцев несравненно лучше владело японским, нежели русским. После присоединения острова к территории СССР корейские дети получили возможность учиться на корейском и русском языках. Однако в мае 1963 г. было принято решение о реорганизации корейских школ в обычные советские — с обучением на русском. Закрылись также Поронайское и Южно-Сахалинское корейские педагогические училища. Ликвидация уроков корейского языка, повсеместное использование русского и жизненная необходимость владения им привели к ускоренной смене родного языка. По данным переписи 1989 г., из 35 тыс. сахалинских корейцев считали таковым свой национальный язык только 12,9 тыс. человек, тогда как в 1970 г. — 28 тыс. Однако на самом деле число владевших корейским языком как родным было намного меньше. К моменту развала Советского Союза второе поколение сахалинских корейцев (рожденных на острове после 1945 г.), так же как и “материковских” (рожденных на Дальнем Востоке до

1937 г. и депортированных в Центральную Азию), почти полностью обрусело по языковому признаку. Третье поколение утратило свой национальный язык и уже не знает корейской письменности. Таким образом, как “материковские”, так и сахалинские корейцы не избежали судьбы диаспорных сообществ, теряющих со сменой поколений в добровольной или принудительной форме свой национальный язык и переходящих на язык доминирующей этнической среды. Схема смены родного этнического языка, условно обозначенного как А, на приобретенный универсальна для всех диаспор: $A \rightarrow AB \rightarrow BA \rightarrow B$. То есть первое поколение иммигрантов использует преимущественно родной язык А. Затем в процессе аккультурации наряду с ним употребляется доминирующий язык страны проживания В, который, как правило, для второго поколения становится первичным, а в зависимости от условий и вовсе новым родным. В третьем поколении иммигрантов, которое трансформируется в диаспору, происходит языковая ассимиляция (*You, Ha* 2018). Сахалинские корейцы, так же как их сородичи на материке, прошли эти ступени смены родного корейского языка на ставший родным русский. Различие заключалось в конкретно-историческом периоде ассимиляции, предопределившем характер и скорость смены.

На гребне горбачевской триады во внутренней политике и поднявшейся волны “этнического ренессанса” корейцы Советского Союза, как и все другие этнические группы и диаспоры, проявили живой интерес к своему забытому родному языку. С установлением дипломатических отношений СССР (а позже — стран СНГ) с Южной Кореей заново наладилась система обучения корейскому, ставшему востребованным. На корейских отделениях вузов России, в т.ч. на Сахалине, а также во всех суверенных государствах постсоветского пространства преподают сеульский литературный стандартный язык.

Диаспорные общественные организации. Политическая программа последнего Генсека КПСС Михаила Горбачева “Перестройка, гласность и демократизация” позволила создавать общественные организации по этническому признаку. В итоге повсеместно стали возникать диаспорные ассоциации под названием “национальные культурные центры”. Первичными уставными задачами этих организаций стали возрождение народных обрядов, традиций, обычаев и реанимация полумертвых “родных” языков. На смену единому советскому народу пришло множество этнических групп, больших и малых. Они принялись создавать свои диаспорные сети, консолидирующие ее членов по принципу единокровия.

Все корейские национальные культурные центры образовывались по одним и тем же стандартным лекалам и прошли схожие пути становления и развития. Одинаковыми оказались проблемы, с которыми они столкнулись, совершались одни и те же ошибки, повсеместно возникли аналогичные противоречия среди руководства, и реальные достижения и результаты не особо отличались друг от друга (Ассоциация 2000; Десять лет спустя 2002).

Со временем появились корейские организации, сформированные по возрастному признаку: общества пожилых людей (Корёноин, Ноидан, Ноинхве и пр.), молодежные клубы и центры; по гендерному принципу — женские клубы; профессиональные альянсы: например, научно-технические общества (АНТОК, КАХАК, ТИНБО), офицерские клубы, ассоциации творческой интеллигенции и т.д. Объединяться стали по общим интересам и хобби: шахматные клубы, певческие хоры, танцевальные ансамбли. На начальном этапе деятельности корейских общественных организаций больше всего возникло кружков по изучению корейского языка. Некоторые объединения были инициированы и получили материально-финансовую помощь от исторической родины, причем первоначально из двух стран: КНДР и Республики Корея. Хорошо известна история противостояния ВАСК (Всесоюзной ассоциации советских корейцев), ориентировавшейся на сотрудничество с Южной Кореей, и просеверокорейской АСОК (Ассоциация содействия объединению Кореи). При

поддержке Южной Кореи были учреждены “Общества потомков борцов национально-освободительного движения Кореи”, отделения “Консультативного совета по мирному и демократическому объединению Кореи”, секции тэквондо, группы самульнори и т.п. (Энциклопедия 2017).

На Сахалине в отличие от других регионов России и стран СНГ образовались инициативные группы и организации для решения проблем гражданства и репатриации, например “Общество по репатриации корейцев Карафута” Пак Но Хака, “Областная общественная организация разделенных семей сахалинских корейцев”, “Общество по увековечиванию памяти Пак Но Хака”, “Региональная общественная организация сахалинских корейцев” (РООСК) и т.п. (Дин 2015: 196–198). В решении вопроса репатриации корейцев острова активную роль сыграло южнокорейское Национальное общество Красного креста, деятельность которого не отмечена в регионах проживания *корей сарам*.

В связи с резким ростом числа русскоязычных переселенцев в Южной Корее возникла необходимость решения острых проблем, возникших с их прибытием. Правительство делегировало часть своих полномочий по адаптации этнических корейцев — трудовых мигрантов южнокорейским НПО, финансируя их деятельность. Недавно появилась первая Ассоциация *корей сарам* в Республике Корея (г. Ансан), и она только начинает свою деятельность. На сегодняшний день общение русскоязычных корейцев в этой стране происходит по большей части через социальные сети, в самую большую группу на Facebook “82-е авеню — Наши в Корее” входят (по состоянию на 10.08.2019) 108 882 участника. Предположительно, в основном это люди, которые пребывают в настоящее время в Корее. Доля тех, кто вошел в нее, находясь за пределами данного государства, или не относится к этническим корейцам, пока неизвестна. В социальных сетях возникла целая сеть групп с определением “русскоязычный” и названием города: русскоязычный Ансан, Инчхон, Кванджу, Сеул, Пусан и т.д. Контент этих сообществ касается совсем немногих тем, это в основном коммерция, реклама и объявления, вопросы и ответы бытового характера.

Контактов в среде сахалинцев-репатриантов, по свидетельствам информантов, очень мало, т.к. все они в преклонном возрасте, многие по состоянию здоровья весьма ограничены в передвижении. В большинстве своем иммигранты живут замкнуто, потому что дети и родственники остались на Сахалине. Они тоскуют по России, их адаптация в Корее проходит тяжело.

Отношения с этнической (исторической) родиной. В отличие от иных этнических меньшинств, проживающих за пределами своей исторической родины, диаспора поддерживает с ней обширные связи. Роль такого сообщества в международных отношениях не вызывает ныне сомнений и стала одной из популярных тем исследований и дискуссий. В этой связи мы предлагаем различать коллективную форму медиации “материковских” и сахалинских корейцев и посредническую миссию диаспорных элит, т.е. наиболее влиятельных, способных и патриотически настроенных представителей народа (Ким 2016).

В Советском Союзе, проводившем политику “пролетарского интернационализма”, об отношениях с Южной Кореей не могло быть и речи. Поэтому советские корейцы, в т.ч. проживавшие на Сахалине, вынуждены были иметь связи лишь с Северной Кореей. Сейчас уже не секрет, что в строительстве социализма в братской КНДР важную роль сыграли несколько сотен хорошо образованных *корей сарам*.

Попытки наладить контакты между Советским Союзом и Республикой Корея начались с горбачевской перестройкой и провозглашением “северной политики” президента Ро Дэ У. Затем, после крушения СССР и распада блока социалистических стран, суверенные государства постсоветского пространства поспешили установить официальные отношения с Южной Кореей. С открытием южнокорейских посольств в странах СНГ, прежде всего в России и странах Центральной

Азии, отношения “материковских” и сахалинских корейцев с этнической родиной стали набирать с каждым годом обороты и объемы (Мен 2008). В Республике Корея за последние тридцать с небольшим лет многие из них превратились из “зарубежных корейцев” в “соотечественников”, вернувшихся в материнское лоно. По всей видимости, в силу ряда обстоятельств и причин число *коре сарам* продолжит свой рост в этой стране. Дети, относящиеся к четвертому поколению “зарубежных соотечественников”, в случае длительного проживания на этнической родине пройдут адаптацию и аккультурацию, а затем ассимилируются в южнокорейском обществе, став полноправными гражданами Республики Корея.

Идентичность и менталитет. На сегодняшний день можно утверждать, что в СНГ сформировались две субэтнические корейские диаспоры, у которых есть как сходства, так и различия в идентичности и менталитете. “Материковским” и сахалинским корейцам как диаспорам присущи диаспоральная, этническая и национальная идентичности, которые разнятся по многим параметрам, но несут в себе одно изначальное ядро — “этничность”. Прежде всего, члены обеих групп относят себя к одному корейскому этносу, утверждая приблизительно следующее: “Все мы корейцы, включая тех, кто живет на Юге и Севере Кореи и за пределами Корейского полуострова”. Во-вторых, они отличают себя по паспорту. И хотя корейцы в континентальной части России и на о-ве Сахалин имеют одинаковое гражданство Российской Федерации, у них есть несовпадения в диаспорном самосознании. На индивидуальном уровне у каждого может быть свой приоритет при выборе из трех видов идентичности, но в этом случае речь идет не о групповой идентичности, а о личной самоидентификации.

Значение и роль структурных элементов национального самосознания диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, уровня консолидации, специфики этнического окружения. У сообществ с долгой историей проживания за пределами исторической родины этноразличительные признаки смещаются прежде всего в обычаи и ритуалы. Их представители в полной мере ощущают себя иными, отличными от других, именно в традиционной семейной обрядности, бытовой культуре и в дни древних народных праздников.

В основе менталитета “материковских” и сахалинских корейцев лежит общее историческое и социально-культурное развитие народа, населявшего Корейский полуостров. Разница в судьбе переселенцев на русский Дальний Восток в последней трети XIX в. и тех, кто оказался на Карафуто в 30–40-е годы XX в., положила начало дивергентным процессам в мировосприятии двух субэтнических групп. В то же время жизнь согласно единому кодексу строителя коммунизма и принципам советской идеологии, морали и “правилам советского общежития” стерла некоторые различия между “материковскими” и островными корейцами. Однако до сих пор считается, что на менталитете сахалинцев сказались десятилетия японского господства и характер островных корейцев первого поколения оставался на советской территории в значительной степени “японизированным” (Morris-Suzuki 2001).

За прошедшие почти три десятилетия после развала Советского Союза суверенные государства, возникшие на обломках державы, прошли разные пути трансформации и развития. Это повлекло за собой формирование различных условий существования корейских диаспор и продолжение дивергентных процессов в их среде. В обиход уже входят такие этнонимы, как “российские”, “узбекские”, “казахские” корейцы. Зачастую можно слышать, как корейцы Казахстана называют своих соплеменников в соседнем государстве “узбеками”, и наоборот.

Сахалинских корейцев, как и прежде, не принимают в семью *коре сарам*. То есть, подводя черту, можно прийти к выводу, что до сих пор разделительные грани между двумя сообществами не стерты, более того, наметились разломы между группами “материковских” корейцев, проживающих в разных государствах. Не исключено,

что через десятилетия речь будет идти не о субэтнической диаспоре *коре сарам*, а о “корейской диаспоре России”, “диаспоре корейцев Казахстана”, “узбекской корейской диаспоре” и т.д. Однако это пока предположение, требующее аргументированного научного доказательства.

На Сахалине, как считает Пак Сын Ы, современная корейская диаспора уже не делится на “местные”, “материковские” и “северокорейские” группы (Пак Сын Ы 2019: 258). В настоящее время в ней почти завершился процесс аккультурации, т.к. третье-четвертое поколения русифицировались, утратили знание корейского языка и многие элементы этнической культуры.

Выводы. В постсоветском пространстве сформировались две основные субэтнические корейские диаспоры. К первой относятся так наз. материковские корейцы — те, кто проживает в континентальной части России и Центральной Азии и является потомками добровольных переселенцев из Кореи на русский Дальний Восток, насильственно выселенных в 1937 г. в Казахстан и Узбекистан. Вторую субэтническую диаспору составляют сахалинские корейцы, прибывшие по собственному желанию и принудительно на южную часть Сахалина, которая стала советской территорией по итогам Второй мировой войны.

Начавшиеся после развала СССР дивергентные процессы в единой этнической группе советских корейцев ведут к формированию отдельных диаспор Казахстана, России, Узбекистана и других стран СНГ. Среди корейцев континентальной части постсоветского пространства до настоящего момента остаются представление об общности происхождения и исторической судьбы, русскоязычное единство, сходства социокультурных параметров. Несмотря на то что различия между казахстанскими, российскими, узбекскими и т.д. корейцами растут с каждым годом, как и прежде, все они — вместе и врознь — идентифицируют себя отдельно от сахалинских корейцев.

За семь с лишним десятилетий, прошедших с 1945 г., различия между субэтническими группами континентальных и островных корейцев во многом стерлись, теперь они стали схожими по этнокультурным и языковым характеристикам. Количество корейцев Сахалина постоянно сокращается, молодые представители этого сообщества переезжают на “материк”, рождаемость скатилась к минимальным отметкам, на историческую родину репатриировалась численно значимая группа первого поколения. В перспективе актуализируется вопрос сохранения целостности сахалинских корейцев как автономной субэтнической диаспоры.

Примечания

¹ *Коре сарам* (кор. 고려 사람) — самоназвание, которое взяли себе корейские переселенцы на российский Дальний Восток, передававшееся из поколения в поколение и сохранившееся среди корейцев СНГ.

² В книге “Коре сарам: историография и библиография” содержатся наименования 282 печатных трудов о корейцах в Российской империи, 621 — о корейцах в Советском Союзе и на постсоветском пространстве, а также 176 работ о корейцах на иностранных языках (Ким 2000). В настоящее время готовится расширенное и дополненное издание, включающее публикации, вышедшие до 1 января 2020 г.

³ *Кобонди* — специфическое, присущее именно советским корейцам полулегальное занятие овощеводством и бахчеводством под руководством лидера-бригадира, основанное на групповом арендном подрае земли и связанное с сезонными территориальными миграциями.

⁴ Составлено по данным переписей населения, а также трудам А.Т. Кузина, Ю.И. Дин и Пак Сын Ы (Кузин 2006; Дин 2015; Пак Сын Ы 2019).

⁵ *Карафутто* — южная часть о-ва Сахалин, в 1905–1945 гг. входившая в состав Японской империи.

Источники и материалы

- Ассоциация 2000 — Ассоциации корейцев Казахстана — 10 лет. Алматы: Дайк-Пресс, 2000.
Десять лет спустя 2002 — Десять лет спустя (к 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана). Ташкент; Сеул: РАККЦУ, 2002.
Ким 2000 — Ким Г.Н. Коре сарам: историография и библиография. Алматы: Казак университеті, 2000.
Ли 2001 — Ли Г.Н. Обычаи и обряды корейцев СНГ. Москва: РАЕН, 2001.
Энциклопедия 2017 — Энциклопедия корейцев Казахстана. Алматы: Кахак, 2017.

Научная литература

- Бок Зи Коу. К вопросу “О проблемах сахалинских корейцев” // Нам жизнь дана / Сост. Сун Дюн Мо. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во, 1989а. С. 3—13.
Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский гос. педагогический институт, 1993.
Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1989б.
Бугай Н.Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-“географический синтез” (начало XXI века). М.: Гриф и К., 2007.
Высоков М.С. Перспективы решения проблемы репатриации сахалинских корейцев в свете опыта Израиля, Германии и других стран // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2. С. 94—102.
Джанг Джун Хи. Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (На материалах Ташкентского вилаята). Дис. ... канд. ист. наук. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Ташкент, 2006.
Джарылгасинова Р. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Л.С. Толстов. М.: Наука, 1980. С. 43—73.
Джарылгасинова Р.Ш. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 133—149.
Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015.
Ем Н.Б. Современные тенденции межнациональных браков среди корейского населения (по результатам социологического опроса корейцев г. Алматы) // Вестник КазГУ. Серия востоковедения. 1998. № 3. С. 55—62.
Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы: Гылым, 1995.
Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. 1945—2000. Кн. 2. Ч. 1—2. Алматы: Дайк-пресс, 2006.
Ким Г.Н. Корейцы Казахстана. Астана: АГУ, 2016.
Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент: Узбекистон, 1993.
Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965.
Козьмина М. Об особенностях межнациональных браков корейцев Узбекистана // Коре сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию. М.: Media Land, 2014. С. 200—202.
Костанов А.И., Поддубная И.Ф. Корейские школы на Сахалине: исторический опыт и современность. Южно-Сахалинск: Архивный отдел администрации Сахалинской обл., Сахалинский центр документации новейшей истории, 1994.
Кузин А.Т. Сахалинские корейцы: история и современность, 1880—2005. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное изд-во, 2006.
Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное изд-во, 1993.
Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. Кн. I: Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. — 1937 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2009.
Мен Д.В. Корея и корейская диаспора Казахстана: политический аспект. Алматы: Гылым, 2008.
Насекин Н. Корейцы Приамурского края // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 3. С. 1—61.
Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы: КазМОиМЯ им. Абылай Хана, 2005.

- Пак Сын Ы. Сахалинские корейцы в поисках идентификации. М.: Перо, 2019.
- Хан В.С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: МБА, 2014.
- Цуненкова И.А. Забытый театр (из истории Сахалинского корейского драматического театра. 1948–1959 гг.) // Вестник Сахалинского музея. 1997. № 4. С. 207–213.
- Щеглов В.В. Переселение советских граждан на Южный Сахалин и Курильские острова в середине 40-х – начале 50-х гг. XX в. // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4. С. 54–68.
- Bang Ilgwon. Hanguggwa rosiaui sahallin han-in yeongu yeongusau geomto (Review of Sakhalin Koreans Studies in Korea and Russia) // 동북아역사논총. 2012. Vol. 38. P. 363–413.
- Hayashi E. Shōgen Saharin Chōsenjin gyakusatsu jiken. Nagoya-shi: Fūbaisha, 1991.
- Ishikida M.Y. Toward Peace: War Responsibility, Postwar Compensation, and Peace Movements and Education in Japan. New York: iUniverse, 2005.
- Kho Songmoo. Koreans in the Soviet Central Asia // Studia Orientalia. 1987. Vol. 61. P. 262.
- Kim Seong Jong. Sahallin han-in dongpo gwiwhwangwa jeongchag-ui jeongchaeggwaje (Policy Challenges for Returning and Settling Sakhalin Korean) // 한국동북아논총. 2006. Vol. 40. P. 195–218.
- Kim Seong Jong. Sahallin han-in dongpo gwiwhwan-ui jeongchaeg-ujehwa gwajeong yeongu (Study of the policy concerning return and adaptation processes of Sakhalin Koreans in Korea) // 한국동북아논총. 2009. Vol. 50. P. 309–329.
- Kim G. Ethnic Entrepreneurship of Koreans in the USSR and Post-Soviet Central Asia // Institute of Developing Economies. VRS Monograph Series. 2008. No. 446. P. 1–99.
- Kim G. Migration vs. Repatriation to South Korea in the Past and Present // Journal of Contemporary Korean Studies 2017. Vol. 4. No. 1. P. 35–62.
- King J.R.P. An Introduction to Soviet Korean // Language Research. 1987. Vol. 23. No. 2. P. 233–277.
- Korpela K.M. Place-Identity as a Product of Environmental Self-Regulation // Journal of Environmental Psychology. 1989. No. 9. P. 241–256.
- Miki M. Kokkyō no shiyokuminti. Karafuto. Tokyo: Hanawa Shyobo, 2010.
- Morris-Suzuki T. Northern Lights: The Making and Unmaking of Karafuto Identity // The Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 645–671.
- Nagasawa Sh. Senzen Chōsenjin kankei keisatsu shiryōshū: Karafuto-chō Keisatsubu bunsho. Tōkyō: Ryokuin Shobō, 2006.
- No Yeongdon. Sahallin han-in-e gwanhan beobjeog jemunje // 국제법학회논총. 1992. Vol. 37. No. 2. P. 123–144.
- No Yeongdon. Sahallin han-in munje, eotteohge doego issna // OK Times. 2004. No. 129. P. 19–27.
- Prochansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place Identity: Physical World Socialization of Self // Journal of Environmental Psychology. 1983. No. 3. P. 57–83.
- Twigger-Ross C.L., Uzzel D.L. Place and Identity Processes // Journal of Environmental Psychology. 1996. Vol. 16. No. 3. P. 205–220.
- Waldinger R. The Making of an Immigrant Niche // International Migration Review. 1994. No. 1. P. 3–28.
- You C., Ha Jangwon (eds.) The Korean Language Spread in Diaspora – Focusing on the Language Education. Monograph of the Center for Korean Diaspora. Berkeley: USLA, 2018.

Research Article

Kim, G.N. The Continental and the Sakhalin Koreans: Differences and Similarities [“Материковские” и сахалинские корейцы: различия и сходства]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 89–104. <https://doi.org/10.31857/S086954150010050-5> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

German N. Kim | <http://orcid.org/0000-0003-4742-1040> | gerkim@mail.ru | Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Av., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan)

Keywords

Kore Saram, Sakhalin, Koreans, continental, *materikovskie*, migration, repatriation, identity, ethnic-cultural processes

Abstract

This article is a debut comparative study of similarities and differences between the two sub-ethnic diasporas of Koreans residing in the continental part of Russia, Central Asia, and the Sakhalin Island. Based on a wide range of historiographical material, it analyzes the reasons and prerequisites for the formation of asymmetry in the indices of demographic, ethnic, and sociocultural processes among the *materikovskie* (continental) and the Sakhalin Koreans. The article examines key issues pertaining to the national identity change, loyalty to the historical and actual motherlands, acquisition of new citizenship in the former USSR and contemporary CIS countries. The *materikovskie* and the Sakhalin Koreans, while of common ethnogenetic origin, used to have more sociocultural differences than similarities at the initial stage of their parallel lives in the Soviet reality. At present, their mentalities have become closer; nevertheless, the division into “us” and “others” still persists. The article argues that the dichotomy “us”/“them” constitutes the existential essence in the sub-diasporic identity.

References

- Bang, Ilgwon. 2012. Hanguggwa rosiaui sahallin han-in yeongu yeongusau geomto [Review of Sakhalin Koreans Studies in Korea and Russia]. *동북아역사논총* 38: 363–413.
- Bok, Zi Kou. 1989a. K voprosu “O problemakh sakhalinskikh koreitsev” [To the Question “About the Problems of the Sakhalin Koreans”]. In *Nam zhizn' dana* [The Life is Given to Us], edited by Sun Dyun Mo, 3–13. Yuzhno-Sakhalinsk: Dal'nevostochnoe knizhnoe izd-vo.
- Bok, Zi Kou. 1989b. *Sakhalinskije koreitsy: problemy i perspektivy* [Sakhalin Koreans: Problems and Prospects]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii oblastnoi kraevedcheskii muzei.
- Bok, Zi Kou. 1993. *Koreitsy na Sakhaline* [Koreans on Sakhalin], edited by M.S. Shirokov. Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinskii gos. pedagogicheskii institut.
- Bugai, N.F. 2007. *Koreitsy stran SNG: obshchestvenno-“geograficheskii sintez” (nachalo XXI veka)* [Koreans of the CIS Countries: Socio-“Geographical Synthesis” (the Beginning of the 21st Century)]. Moscow: Grif i K.
- Din, Yu.I. 2015. *Koreiskaia diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiia v sovetskoe i rossiiskoe obshchestvo* [The Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaia oblastnaia tipografiia.
- Dzharylgasinova, R. 1980. Osnovnye tendentsii etnicheskikh protsessov u koreitsev Srednei Azii i Kazakhstana [The Main Trends in Ethnic Processes among the Koreans of Central Asia and Kazakhstan]. In *Etnicheskie protsessy u natsional'nykh grupp Srednei Azii i Kazakhstana* [Ethnic Processes in the National Groups of Central Asia and Kazakhstan], edited by L.S. Tolstov, 43–73. Moscow: Nauka.
- Dzharylgasinova, R.Sh. 1970. Antroponimicheskie protsessy u koreitsev Srednei Azii i Kazakhstana [Anthroponymic Processes among the the Koreans of Central Asia and Kazakhstan]. In *Lichnye imena v proshlom, nastoiashchem, budushchem. Problemy antroponimiki* [Personal Names in the Past, the Present and the Future. Problems of Anthroponymy], edited by V.A. Nikonov, 133–149. Moscow: Nauka.
- Hayashi, E. 1991. *Shōgen Saharin Chōsenjin gyakusatsu jiken* [Testimony: Karafuto Korean Massacre Case]. Nagoya-shi: Fūbaisha.
- Jang, Joon Hee. 2006. Pokhoronno-pominal'nye obychai i obriady koreitsev Uzbekistana (na materialakh Tashkentskogo vilaiata) [Funeral and Memorial Customs and Rituals of Koreans of Uzbekistan (Based on the Materials of the Tashkent Vilayat)]. PhD diss., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan.
- Kan, G.V. 1995. *Istoriia koreitsev Kazakhstana* [History of Koreans in Kazakhstan]. Almaty: Gylm.
- Khan, V.S. and Hong Yong Sim. 2014. *Koreitsy Tsentral'noi Azii: proshloe i nastoiashchee* [Koreans of Central Asia: Past and Present]. Moscow: MBA.
- Kho, Songmoo. 1987. Koreans in the Soviet Central Asia. *Studia Orientalia* 61: 1–262.
- Kim, G. 2008. Ethnic Entrepreneurship of Koreans in the USSR and Post-Soviet Central Asia. *Institute of Developing Economies. VRS Monograph Series* 446: 1–99.
- Kim, G. 2017. Migration vs. Repatriation to South Korea in the Past and Present. *Journal of Contemporary Korean Studies* 4 (1): 35–62.
- Kim, G.N. 2006. *Istoriia immigratsii koreitsev. 1945–2000* [History of Korean Immigration. 1945–2000]. Bk. 2. Pt. 1–2. Almaty: Daik-press.
- Kim, G.N. 2016. *Koreitsy Kazakhstana* [Koreans of Kazakhstan]. Astana: AGU.

- Kim, P.G. 1993. *Koreitsy Respubliki Uzbekistan* [Koreans of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent: Uzbekiston.
- Kim, Seong Jong. 2006. Sahallin han-in dongpo gwi hwangwa jeongchag-ui jeongchaeggwaje [Policy Challenges for Returning and Settling of the Sakhalin Korean]. *한국동북아논총* 40: 195–218.
- Kim, Seong Jong. 2009. Sahallin han-in dongpo gwi hwan-ui jeongchaeg-ujehwa gwajeong yeongu [Study of the Policy Concerning Return and Adaptation Processes of Sakhalin Koreans in Korea]. *한국동북아논총* 50: 309–329.
- Kim, Sin Hwa. 1965. *Ocherki po istorii sovetskikh koreitsev* [Essays on the History of Soviet Koreans]. Alma-Ata: Nauka.
- King, J.R.P. 1987. An Introduction to Soviet Korean. *Language research* 23 (2): 233–277.
- Korpela, K.M. 1989. Place-Identity as a Product of Environmental Self-Regulation. *Journal of Environmental Psychology* 9: 241–256.
- Kostanov, A.I., and I.F. Podlubnaia. 1994. *Koreiskie shkoly na Sakhaline: istoricheskii opyt i sovremennost'* [Korean Schools on Sakhalin: Historical Experience and Modernity]. Yuzhno-Sakhalinsk: Arkhivnyi otdel administratsii Sakhalinskoi obl., Sakhalinskii tsentr dokumentatsii noveishei istorii.
- Kozmina, M. 2014. Ob osobennostiakh mezhnatsional'nykh brakov koreitsev Uzbekistana [About the Peculiarities of Interethnic Marriages of Koreans in Uzbekistan]. In *Kore saram. K 150-letiiu pereseleniia koreitsev v Rossiiu* [Kore Saram. To the 150th Anniversary of the Relocation of Koreans to Russia], edited by V. Kim, 200–202. Moscow: Media Land.
- Kuzin, A.T. 1993. *Dal'nevostochnye koreitsy: zhizn' i tragediia sud'by* [Far Eastern Koreans: Life and Tragedy of Fate]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe oblastnoe knizhnoe izd-vo.
- Kuzin, A.T. 2006. *Sakhalinskii koreitsy: istoriia i sovremennost', 1880–2005* [Sakhalin Koreans: History and Modernity, 1880–2005]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe oblastnoe knizhnoe izd-vo.
- Kuzin, A.T. 2009. *Istoricheskie sud'by sakhalinskikh koreitsev. Kn. I: Immigratsiia i deportatsiia (vtoraiia polovina XIX v. – 1937 g.)* [Historical Destinies of Sakhalin Koreans. Bk. 1: Immigration and Deportation (the Second Half of the 19th Century – 1937)]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izd-vo.
- Men, D.V. 2008. *Koreia i koreiskaia diaspora Kazakhstana: politicheskii aspekt* [Korea and the Korean Diaspora in Kazakhstan: a Political Aspect]. Almaty: Gylum.
- Miki, M. 2010. *Kokkyō no shyokuminti. Karafuto* [The Colony on the Board of the State. Karafuto]. Tokyo: Hanawa Shyobo.
- Ishikida, M.Y. 2005. *Toward Peace: War Responsibility, Postwar Compensation, and Peace Movements and Education in Japan*. New York: iUniverse, 2005.
- Morris-Suzuki, T. 2001. Northern Lights: the Making and Unmaking of Karafuto Identity. *The Journal of Asian Studies* 60 (3): 645–671.
- Nagasawa, Sh. 2006. *Senzen Chōsenjin kankei keisatsu shiryōshū: Karafuto-chō Keisatsubu bunsho* [Prewar Korean Relations Police Data Book: Sakhalin Police Department Document]. Tōkyō: Ryokuin Shobō.
- Nasekin, N. 1904. Koreitsy Priamurskogo kraia [The Koreans of the Amur Region]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 3: 1–61.
- No, Yeongdon. 2004. Sahallin han-in munje, eotteohge doego issna [Sakhalin Korean Problem, How Is It Going?]. *OK Times* 129: 19–27.
- No, Yeongdon. 1992. Sahallin han-in-e gwanhan beobjeog jemunje [Legal Issues Concerning Sakhalin Koreans]. *국제법학회논총* 37 (2): 123–144.
- Pak, N.S. 2005. *Koreiskii iazyk v Kazakhstane: problemy i perspektivy* [Korean Language in Kazakhstan: Problems and Prospects]. Almaty: KazMOiMia im. Abylai Khana.
- Pak, Seung Y. 2019. *Sakhalinskii koreitsy v poiskakh identifikatsii* [Sakhalin Koreans in Search of Identification]. Moscow: Pero.
- Prochansky, H.M., A.K. Fabian, and R. Kaminoff. 1983. Place Identity: Physical World Socialization of Self. *Journal of Environmental Psychology* 3: 57–83.
- Shcheglov, V.V. 2000. Pereselenie sovetskikh grazhdan na Yuzhnyi Sakhalin i Kuril'skie ostrova v sere-dine 40-kh – nachale 50-kh gg. XX v. [Relocation of Soviet Citizens to Southern Sakhalin and the Kuril Islands in the Mid-40s – Early 50s of the 20th Century]. *Kraevedcheskii biulleten'* 4: 54–68.
- Suh, Dae-Sook, ed. 1987. *Koreans in the Soviet Union*. Honolulu: Center for Korean Studies, University of Hawaii.
- Tsupenkova, I.A. 1997. Zabytyi teatr (iz istorii Sakhalinskogo koreiskogo dramaticheskogo teatra. 1948–1959 gg.) [A Forgotten Theatre (from the History of Sakhalin Korean Drama Theatre. 1948–1959)]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia* 4: 207–213.

- Twigger-Ross, C.L., and D.L. Uzzel. 1996. Place and Identity Processes. *Journal of Environmental Psychology* 16 (3): 205–220.
- Vysokov, M.S. 1999. Perspektivy resheniia problemy repatriatsii sakhalinskikh koreitsev v svete opyta Izrailia, Germanii i drugikh stran [Prospects for Solving the Problem of Repatriation of Sakhalin Koreans in the Light of the Experience of Israel, Germany and Other Countries]. *Kraevedcheskii biulleten'* 2: 94–102.
- Waldinger, R. 1994. The Making of an Immigrant Niche. *International Migration Review* 1: 3–28.
- Yem, N.B. 1998. Sovremennye tendentsii mezhnatsional'nykh brakov sredi koreiskogo naseleniia (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa koreitsev g. Almaty) [Modern Trends of Interethnic Marriages among the Korean Population (Based on the Results of a Sociological Survey of Koreans in Almaty)]. *Vestnik KazGU. Seriya vostokovedeniia* 3: 55–62.
- You, C., and Jangwon Ha, eds. 2018. *The Korean Language Spread in Diaspora – Focusing on the Language Education. Monograph of the Center for Korean Diaspora*. Berkeley: USLA.